

Вячеслав Шторм

Живой, мертвый, пльвущий



*Часть сборника
Некроманты (сборник)*



Вячеслав Бакулин

Живой, мертвый, плывущий

«Автор»

2014

Бакулин В.

Живой, мертвый, плывущий / В. Бакулин — «Автор», 2014

«В белесом, словно выгоревшая голубая джинса, небе кружится черный полиэтиленовый пакет. То сухо и мертво шелестит, безвольно провиснув, и медленно планирует вдоль каньона, то резко щелкает, враз натянутый до барабанной упругости, и торжествующе взмывает высоко-высоко. А потом, так же резко утратив жизнь, снова опускается нелепой птицей к пустынному шоссе, начало и конец которого расплываются и дрожат в раскаленном мареве. Летит, переворачиваясь, будто пародируя скачущие по равнине клубки перекасти-поля. Кажется, еще чуть-чуть, и он коснется щедро припорошенного песком и пылью асфальта. Зашипит и съжится, не выдержав запредельной температуры. Утрачивая форму. Сплавляясь с ним в единое целое. Но всякий раз милосердный порыв ветра подхватывает бродягу в самый последний момент, и все начинается заново...»

© Бакулин В., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Безвременье	5
Двумя днями ранее	6
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Вячеслав Шторм

Живой, мертвый, плывущий

Все люди делятся на три категории: живые, мертвые и плывущие по волнам.

Анахарсис, VI век до н. э.

Безвременье

В белесом, словно выгоревшая голубая джинса, небе кружится черный полиэтиленовый пакет. То сухо и мертво шелестит, безвольно провиснув, и медленно планирует вдоль каньона, то резко щелкает, враз натянутый до барабанной упругости, и торжествующе взмывает высоко-высоко. А потом, так же резко утратив жизнь, снова опускается нелепой птицей к пустынному шоссе, начало и конец которого расплываются и дрожат в раскаленном мареве. Летит, переворачиваясь, будто пародируя скачущие по равнине клубки перекати-поля. Кажется, еще чуть-чуть, и он коснется щедро припорошенного песком и пылью асфальта. Зашипит и съжжется, не выдержав предельной температуры. Утрачивая форму. Сплаваясь с ним в единое целое. Но всякий раз милосердный порыв ветра подхватывает бродягу в самый последний момент, и все начинается заново.

До тех пор, пока на горизонте не появляются две размытые точки.

Точнее, сначала возникает гул. Звучащий почти слитно рокочущий дуэт. В нем слышится неясная угроза, как в отдаленном раскате грома. Предупреждение. Неотвратимость.

По шоссе несутся бок о бок два железных зверя. Первый приземист, коренаст и неудержим, точно взявший предельный разбег атакующий носорог. Его сверкающая шкура отликает золотом, хромом и матовой чернотой. Второму, некогда темно-зеленому, а ныне почти бурому из-за грязи, пыли и ржавчины, больше всего подходит сравнение с крокодилом. Если, конечно, вы способны представить себе крокодила-гладиатора, ветерана арены, покрытого бесчисленными шрамами и оттого выглядящего еще смертоноснее. Именно он порождает дополнительный поток воздуха, который сбивает черный полиэтиленовый пакет с траектории полета. Миг – и вольный странник распластан по хищной морде зверя, вмят в ржавый часток его клыков. Пакет отчаянно пытается соскользнуть с нее, вновь обрести свободу, но у бедняги нет шансов. Кажется, одно прикосновение к зверю искажает саму его сущность, даря новый, прежде невозможный смысл существованию. И вот уже он, преображенный, зловеще хлопает на ветру, точно рваное чумное знамя.

Стальные звери неумоимо пожирают пустынное шоссе, миля за милю. Они стремятся на юг и уносят с собой троих: человека, того, кто некогда был человеком, и того, кто им никогда не был.

Двумя днями ранее

Индеец совсем молод и очень напуган. Впрочем, у него есть для этого все основания – он лежит, связанный и здорово помятый, под деревом (кажется, это платан; Впрочем, один из двух странников слаб в ботанике, а другому на нее плевать). И что совсем скверно – крепкий мужчина лет сорока, пыхтя и ругаясь сквозь зубы, только что вполз на мощную ветвь дерева и теперь прилаживает к ней веревку, оканчивающуюся скользкой петлей. Трое товарищей, вооруженные винтовками, подбадривают его с земли одобрительными выкриками. Время от времени один из них, тот, что помоложе, с огненно-рыжей шевелюрой, отвешивает связанному пленнику доброго пинка под ребра, как бы напоминая о своем присутствии. Хотя забудешь тут...

Первым, с резким визгом покрышек, останавливается мотоцикл. Точнее, трицикл – блестящий, новехонький «харлеевский» Tri Glide Ultra модной расцветки «песочный жемчуг». Рядом с «Доджем», «Фордом» и двумя «Бьюиками» почтенного возраста, на которых приехали сюда линчеватели и их жертва, он выглядит дико. Точь-в-точь призовой арабский скакун, которого нелегкая занесла на нищее ранчо, в компанию изнуренных работой кляч. Из седла выбирается крепыш лет пятидесяти – невысокий, но длинноногий, что смотрится особенно комично в сочетании с изрядным пузом, растягивающим пижонскую куртку, явно пошитую на заказ. Впрочем, Алехандро – а именно так зовут владельца трицикла – весьма мало волнует впечатление, которое оказывает на окружающих его вид. Стянув с головы шлем, он небрежно вешает его на руль, потом не спеша вытаскивает из нагрудного кармана белоснежный носовой платок и тщательно вытирает лицо и шею. Подумывает, не расчесать ли заодно бороду, но потом решает, что незнакомцы обойдутся. Убрав платок, Алехандро высвобождает из специальных держателей умопомрачительную трость с рукоятью в виде драконьей головы (серебро высшей пробы!) и, небрежно помахивая ею, направляется к дереву и людям возле него. На лице пузатого модника сверкает ослепительная улыбка из тех, что так располагают к себе, но глаза холодны и не упускают не единой мелочи.

Тем временем его спутник, чей изрядно побитый жизнью в прямом и переносном смысле легендарный Bullitt Mustang 1967 года (да-да, именно тот, и именно темно-зеленого цвета, хотя сейчас определить это затруднительно) куда неповоротливее трицикла, сдает назад. Дверь со стороны водителя противно скрипит на тронутых ржавчиной петлях, и из салона выбирается Дон. Ему примерно столько же лет, что и Алехандро, но на этом их сходство заканчивается. Дон высок и худощав, если не сказать тощ, хотя отнюдь не выглядит слабаком. Его костистое желтоватое лицо с орлиным носом и щеками, впалыми настолько, что, кажется, они стремятся поцеловать друг друга, украшают роскошные черные с проседью усы, острые кончики которых свисают ниже подбородка. На голове Дона – широкополая шляпа, надвинутая до самых бровей. Мало того, что она стара, потерта и украшена парой дыр, здорово смахивающих на пулевые отверстия, к ее тулье прицеплена игрушечная звезда шерифа из облезлого пластика. Сунув руки в глубокие карманы светло-бежевого пыльника, он направляется следом за товарищем.

А тот уже достиг дерева и теперь оглядывает собравшуюся под ним четверку – веревка с петлей к тому времени покачивается на ветви, а привязывавший ее присоединился к товарищам.

– Хороший день, приятели! – произносит Алехандро, продолжая так же ослепительно улыбаться.

– Дерьмовый! – не соглашается с ним мужчина в красной клетчатой рубашке, спина и подмышки которой темны от пота. – Но мы это сейчас исправим. Марк! Джош! Поднимайте этого негодяя!

– Мне кажется, или вы собираетесь вздернуть беднягу без суда и следствия?

– А мне кажется, или ты лезешь не в свое дело, мистер?! – вскидывается рыжеволосый Марк. Его лицо, украшенное крупной россыпью веснушек, идет красными пятнами. Два его товарища выражают одобрение неясным гулом, в котором даже идиот различит неприкрытую угрозу. Особенно беря в расчет сжимаемое линчевателями оружие. А уж Алехандро кто угодно, только не идиот. Он прекрасно видит, что четверка на взводе и достаточно малой искры, чтобы неслабо полыхнуло. И все же не унимается:

– Очень может быть. Но все же мне хотелось бы узнать, чем провинился джентльмен.

– Этот грязный сукин сын убил моего кузена База! – хрипло рычит доселе молчавший здоровяк в бейсболке козырьком назад, напоминающий дальнобойщика. – И человек тридцать были тому свидетелями!

– А потом еще и попытался сбежать, угнав тачку Сэма Райли! – это уже Джош, косоглазый угрюмый тип с массивной нижней челюстью. – Два часа за ним гнались. Хорошо, что Сэм, жмот проклятый, никогда полный бак не заливает.

– Вот как? – Алехандро задумчиво покачивается с пятки на носок и, кажется, всерьез раздумывает, не предоставить ли индейца своей судьбе.

В следующий момент происходит сразу несколько событий. Очень-очень быстро.

– Это было случайно, клянусь! – голосит индеец и тут же хрипит, упав на колени – приклад винтовки безжалостно бьет его в живот.

– Слышь, ты! Проваливай! И дружка с собой забирай! – отчаянно вопит Марк. А потом он совершает страшную ошибку – направляет на Алехандро свой «винчестер». Правда, взвести курок не успевает – гремит выстрел, и рыжий опрокидывается навзничь с дырой во лбу.

– Проклятье! Дон! Нет!

Поздно. Две пули вырывают клочки ткани и плоти на груди и левом плече усача, в правой руке которого – «кольт» King Cobra с дымящимся стволом. Против ожидания, Дон не только не падает, но, похоже, не испытывает никаких особенных проблем. Его револьвер рывкает еще дважды, и под деревом становится на двух покойников больше, а Джош остается единственным живым линчевателем. Впрочем, косоглазому не откажешь в смекалке – он смещается влево, прячась за Алехандро, и, наставив полуавтоматический охотничий «ремингтон» на толстячка, голосит:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.